

ОБРАТНЫЙ АДРЕС

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Обратный адрес

<https://litres.ru/74525478>

SelfPub; 2026

Аннотация

1957 год. Швея Таисия Круглова встречает мужа, вернувшегося после десяти лет заключения. Все эти годы письма помогали ей растить сына, пережить смерть матери и ждать человека, который умел находить нужные слова.

Но Фёдор не узнаёт ни этих слов, ни рассказанной в письмах жизни. Он утверждает, что давно перестал писать. И денег, на которые Таисия покупала уголь и лечила зубы, тоже не посылал.

У сохранных конвертов есть обратный адрес. Таисия решает поехать туда сама. Дома остаются муж и выросший сын, которым ещё предстоит стать семьёй. А в ателье её ждёт возможность, о которой она не решалась просить для себя.

Исторический семейный роман о чужой заботе, присвоенном доверии и жизни, которую приходится выбирать заново.

Содержание

Глава 1. Вторая примерка	4
Глава 2. На троих	17
Глава 3. Валерий	31
Глава 4. Белые пуговицы — лето 1938 года	46
Глава 5. Человек у окошка	62
Конец ознакомительного фрагмента.	75

А.М. Сунгурский

Обратный адрес

Глава 1. Вторая примерка

Муж вернулся к Таисии во время второй примерки.

Она стояла перед Пелагеей Ивановной на одном колене и держала во рту две булавки. Левая пола нового пальто отворачивалась наружу. Вчера Пелагея Ивановна выпросила пальто на вечер — показать дочери; утром успела сходить в нём до почты, хотя ей трижды объяснили, что до окончательной отделки в пальто ходить нельзя. В кармане теперь лежали кошелёк, связка ключей и полфунта карамели, купленной для внучки.

— Здесь у меня тянет, — сказала она и приподняла плечо. Таисия вынула булавки.

— Руку опустите.

— Я опущу, оно опять потянет.

— А вы всё-таки.

У соседнего стола Мила Бекетова фыркнула в рукав. Таисия посмотрела на неё снизу, и Мила сразу склонилась над детскими штанами. На двенадцати парах следовало переставить пуговицы: заказчик решил, что дети за лето выросли не туда, куда им полагалось.

В передней зазвенел колокольчик. Дверь прижала его, и он продолжал дрожать, пока вошедший не закрыл её до конца.

Таисия сначала увидела мокрые ботинки. На одном шнурок был завязан дважды — у носка, где оборвался, и наверху. Потом увидела холщовый мешок и руку, державшую его за скрученную горловину. Рука была узкая, с толстыми суставами. Под ногтем большого пальца чернела полоска, похожая на занозу.

— Приём за той дверью, — сообщила Пелагея Ивановна.
— Здесь шьют.

Мужчина не ушёл.

— Тая.

Она успела подумать, что у Фёдора голос был ниже. Потом он повёл головой — чуть вбок, будто воротник мешал, — и всё, что она успела подумать, стало ненужным.

Булавка выскользнула из пальцев и упала на доски. Таисия увидела, куда она закатилась: под скамью, к ножке, обёрнутой полоской байки. Надо будет достать. Здесь передеваются босиком.

Она поднялась, держась за край стола. Затёкшее колено не сразу разогнулось.

— Федя?

Он кивнул.

Пальто на нём было коричневое, с чужими плечами. Оно раздалось на спине и стягивало под мышками. Таисия нико-

гда не сшила бы ему такое пальто. Он постарел совсем не так, как она представляла. Она думала, что у него поседеют виски. Поседели брови.

Пелагея Ивановна оглянулась через плечо и отступила к зеркалу, освобождая Таисии проход к мужу. На ореховой раме была приколота бумажка «Не трогать влажными руками».

— Так вы бы сказали, — произнесла она уже другим голосом.

Фёдор снял кепку. Волосы были коротко острижены, на лбу осталась светлая полоса от козырька.

Таисия подошла. Ей хотелось обнять его так, чтобы всем сразу стало понятно, кто он. Но он держал мешок между ними, и она взялась за его рукав.

— Ты почему не дал знать?

— Дорога была.

Она ждала продолжения. Он посмотрел на её руку и слегка развернул локоть, освобождая место для пальцев.

— С поезда?

— Утреннего.

— Ты ел?

Фёдор усмехнулся одним уголком рта.

— Вот это узнаю.

Мила уже отложила штаны. Она стояла, держа ножницы остриём вниз, и смотрела на Таисию с той серьёзностью, которой в ней обычно хватало на полминуты перед получкой.

Из закройной вышел Зиновий Тихонович. На груди у

него, как награды, висели две сантиметровые ленты — старая, растянутая, для привычки и новая, которой он действительно мерил. Он остановился, не доходя до зеркала.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Здравствуйте.

Фёдор положил кепку на мешок и протянул руку. Зиновий Тихонович пожал её без поспешности, посмотрел на Таисию и спросил:

— Сегодня возьмёте день?

— У меня пальто.

— Пальто никуда не опаздывает, — сказала Пелагея Ивановна.

Таисия машинально взглянула на её туфли.

— Вы же на похороны собирались.

— В пятницу. Ещё успею.

Мила отвернулась к окну. Пелагея Ивановна возмущённо поправила борт и тут же посмотрела на Фёдора с испугом, как будто накаркала. Он, однако, не заметил. Или сумел сделать вид.

— Я её подожду, — сказал он. — Вы работайте.

Зиновий Тихонович подвинул ему стул. Фёдор сел боком к двери, мешок поставил между ботинками. Таисия осталась стоять. Она десять лет думала, как он придёт, а теперь оказалось, что даже пальто с заказчицы надо снять прежде, чем можно уходить.

— Давайте карман разгрузим, — сказала она Пелагее Ива-

новне.

Из кармана появились ключи, кошелёк и кулёк с карамелью. Пальто выровнялось.

— Ну вот, — сказала Таисия.

Пелагея Ивановна посмотрела на своё отражение и поджала губы: похоже, такое простое объяснение её не устраивало.

— А куда же мне класть?

— Карамель пока в сумку.

Таисия помогла ей раздеться, повесила пальто на плечики, приколотла к воротнику квитанцию. Она делала всё медленно, точно в комнате был человек, перед которым следовало доказать, что руки у неё не дрожат.

Пелагея Ивановна надела старое пальто. У двери помедлила, вернулась к Фёдору и протянула кулёк.

— Возьмите. Хорошие, с начинкой.

— Не надо.

— Одну возьмите. Не обеднела.

Он взял конфету. Пелагея Ивановна удовлетворённо затащила платок под подбородком и вышла. Колокольчик звякнул коротко, по-деловому.

Таисия сняла рабочий халат. На юбке спереди осталось несколько белых ниток. Она смахнула их ладонью, потом, сама не зная зачем, поправила причёску перед зеркалом. Волосы были убраны в узел, один висок просвечивал сильнее другого. Утром она этого не заметила.

— У Мальцевой спросил, — сказал Фёдор.

Таисия обернулась.

— Что?

— Где ты. Дома был, заперто. Она сказала, теперь здесь работаешь.

— Два года как.

— Сказала.

— Я же писала тебе. Мы с весны пятьдесят пятого здесь.

Помещение бывшей аптеки.

Он посмотрел на шкаф с нитками. На белой эмали ещё проступали следы снятой таблички.

— Понятно.

Зиновий Тихонович сделал Миле знак. Та унесла штаны в закройную, хотя работу следовало заканчивать за своей машиной. Таисия заметила это и испытала благодарность, от которой стало ещё труднее говорить.

— Чаю выпьешь? У нас есть.

— Домой бы.

Она кивнула и открыла ящик стола.

Там лежали ножницы, жестяная коробочка из-под зубного порошка с булавками, огрызок карандаша и письмо. Письмо она принесла показать Миле. В нём был смешной совет насчёт её несостоявшегося жениха: «У человека, который забывает прийти, всегда найдётся уважительная причина остаться дома». Мила смеялась и говорила, что Таисин муж после возвращения должен не в мастерской работать, а

браки устраивать.

Таисия взяла конверт вместе с кошельком.

— Вот, — сказала она. — Твоё субботнее. А сам уже здесь.

Фёдор посмотрел на бумагу, но руки не протянул.

— Письмо?

— В субботу получила.

— От кого?

Таисия подняла глаза. Он смотрел на неё внимательно, без улыбки. Ей показалось, что он проверяет, узнаёт ли она его после всего, что случилось за эти годы.

— От тебя, Федя.

В закройной остановилась машина. Зиновий Тихонович тотчас заговорил с Милой о заказе, громче, чем требовалось.

Фёдор взял конверт. Прежде чем вынуть лист, прочёл адрес. Бумага хрустнула в сухих пальцах. Он держал её за нижние углы, отодвинув от лица, и Таисия вспомнила, что ему уже сорок четыре. Надо будет спросить, не нужны ли ему очки. В письмах про глаза ничего не было.

— Здесь светлее, — сказала она и указала на окно.

Он не пересел.

По краю листа шёл неровный почерк: широкие промежутки между словами, разные наклоны, маленькое круглое «о», которое чуть отставало от остальных букв. В сентябре Фёдор сообщил, что теперь пробует писать левой сам. До того за него девять лет писал товарищ. К его мелким ровным

строчкам Таисия привыкла, как к стуку почтальонши, который узнавала через стену. Новые буквы сначала разбирала с трудом и радовалась каждой.

Фёдор прочитал лист до конца и перевернул. С другой стороны было всего две строки и подпись.

Он вернулся к началу.

— Это кто написал?

— Ты прочёл?

— Прочёл. Кто написал?

— Разве не ты? Ты же писал, что левой пробуешь.

Он посмотрел на неё поверх листа. Тёмные складки возле носа стали глубже.

— Тая, я спрашиваю.

Она забрала у него письмо. Нельзя было продолжать этот разговор здесь. На столе лежало чужое пальто, в закройной люди изо всех сил изображали работу, а Фёдор говорил с ней таким тоном, каким прежде спрашивал, кто без спроса взял стамеску.

— Пойдём, — сказала она.

Она сунула письмо в сумку, натянула пальто, сняла с гвоздя серый платок. Мешок Фёдор поднял сам. Карамель, так и не развёрнутую, положил в карман.

Зиновий Тихонович вышел проводить их до передней.

— Завтра как сможете, — сказал он Таисии. — Пелагею Ивановну я возьму.

— Подкладку у плеча не закрепляйте. Надо ещё посмот-

реть.

— Посмотрю.

— И левый карман укрепить.

— Укреплю, Таисия Андреевна.

Она поняла, что он мягко выгоняет её с работы, и почувствовала себя школьницей, которую отпускают домой из-за несчастья. Между тем случилось то, чего она ждала десять лет.

На улице шёл мелкий снег. Он сразу исчезал на мостовой, а на руках держался достаточно долго, чтобы были видны отдельные белые крупинки. За оградой сквера две женщины сгребали листья. Новую будку с газированной водой заколотили досками до весны.

Фёдор остановился у крыльца, поправляя мешок. Таисия подождала, пока он поднимет голову.

— Давай понесу.

— Что?

— Мешок. Пока воротник застегнёшь.

Он отдал. Мешок оказался легче, чем она ожидала. В нём что-то твёрдое упиралось в дно и перекатывалось при движении.

Фёдор застегнул верхнюю пуговицу. Одной правой рукой ему было неудобно, и он помог левой. Таисия смотрела на пальцы. Когда она узнала о повреждённой руке, то представляла пальцы синими, опухшими, потом скрюченными навсегда. На деле два пальца двигались хуже остальных, но он мог

застегнуть пальто.

— Болят ещё?

— К погоде.

Он взял мешок обратно.

Они пошли рядом. Таисия слышала его шаги и невольно подстраивала свои. Раньше он ходил быстро, и ей приходилось почти бежать. Теперь она дважды вырвалась вперёд.

У продовольственного стояла очередь за селёдкой. Из двери выходили люди с банками, обёрнутыми газетой. Фёдор посмотрел на вывеску.

— Здесь же фотограф был.

— На Советскую переехал.

— А Галкин?

— Умер. Сын теперь снимает.

Он кивнул и пошёл дальше. Таисия уже хотела сказать, что писала ему о Галкине, но удержалась.

На углу девочка в слишком широких варежках выронила авоську. По тротуару покатались две свёклы. Одну подхватила Таисия, другую остановил ботинком Фёдор. Он поднял её, отряхнул землю с длинного корня и отдал девочке.

— Ты ручки вместе держи, — сказал он. — Не разъедется.

Девочка послушно сложила ручки авоськи и побежала. На спине у неё болтался ранец с открытой пряжкой.

Таисия проводила её глазами. У Валерки тоже была такая авоська. Он таскал картошку, прижимая её к животу, потому что до земли оставалось слишком мало места. Она вдруг

обрадовалась, что Фёдор не успел увидеть сына маленьким, несущим тяжёлое. Потом испугалась самой этой мысли.

— Валерий дома? — спросил он.

Она не сразу узнала имя. Сына звали Валеркой, бывало — Вале́й; полным именем — никто. «Как там мой Валя?» — иногда с этого начиналось письмо. Теперь муж произнёс имя полностью, будто прочитал его в списке.

— На работе.

— В школе уже нет?

— Весной из дневной школы ушёл. В мастерские пошёл. Я писала.

Фёдор поправил мешок на плече. Из него снова что-то стукнуло.

— В какие мастерские?

— Вагонные. К Фролову. Учеником. А учится теперь вечером.

— Семнадцать ему.

Таисия остановилась.

— Федя.

Он тоже остановился, сделав ещё полшага. Между ними оказался край большой лужи. В воде плавал раздавленный спичечный коробок.

— Ты письма мои получал?

Фёдор посмотрел на трамвайные рельсы, уходившие в сторону вокзала. Трамвай в Вересовске пустили три года назад. Его взгляд задержался на проводах, словно ответ был

там.

— Какие?

— Все. Про Валерку. Про работу. Про то, что мать умерла.

— Про мать знаю.

— Откуда?

— Сказали.

— Кто сказал?

Он посмотрел на неё.

— Дома, Тая.

Она уже слышала, как в ней поднимается голос, которым разговаривала с Валеркой, когда тот скрывал двойку. Остановить этот голос удалось с трудом. Перед ней стоял человек, десять лет проживший там, куда она не могла его вернуть никакими упрёками. Ему надо было поесть, вымыться, снять чужое пальто. Она хотела бы сначала сделать всё это и только потом спрашивать. Но слово «какие» держало её за горло.

— Один вопрос, — сказала она. — Хоть на один ответ. Ты мне денег посылал?

Фёдор открыл рот и закрыл. Теперь он смотрел прямо на неё.

— Каких денег?

За их спинами с грохотом прошёл грузовик. Таисия подождала, пока он удалится.

— Переводы. Пятьдесят, восемьдесят. Зимой сто двадцать пришло. На зубы. Ты же помнишь, я задний вырвала,

а потом второй пришлось.

Он медленно покачал головой.

— Не посылал.

— Сам, может, не посылал. Через человека.

— Ни через кого.

Она оглянулась на очередь у магазина. Кто-то смеялся, прикрывая газетой банку с селёдкой. Жизнь вокруг была настолько обычной, что Таисии стало стыдно стоять посреди улицы и держать мужа за рукав.

Она отпустила.

— Вон туда, — сказала она. — Через сквер теперь короче.

Фёдор послушно повернул. Прежде он всегда выбирал дорогу сам.

Таисия шла рядом и думала о сто двадцати рублях. Она помнила каждую покупку: зубному технику отнесла не сразу, сначала заплатила за уголь, потом два вечера шила соседке юбку, чтобы вернуть из заработанного. Фёдору написала, что всё сделала, и ещё приложила смешной рисунок: собственное лицо с огромным белым зубом. Он ответил, что такого зуба хватит на двоих.

Тот ответ лежал дома, под синей тесёмкой.

Она точно знала, где.

Глава 2. На троих

У калитки Фёдор снял мешок с плеча и посмотрел на крышу.

— Перекрывали?

— Три года назад. С нашей стороны.

— Правильно. У трубы текло.

— Не у трубы. У конька. Ты ещё хотел заняться.

Он провёл ладонью по калитке. Нижняя доска была новая, светлее остальных. Таисия отперла дверь и только в сенях заметила, что держит ключ так крепко, что зубцы отпечатались на пальце.

В доме было холоднее, чем накануне вечером. Перед уходом она растопила ненадолго, рассчитывая вернуться после шести. Теперь придётся добавлять. Уголь лежал в сарае, а вода в ведре успела набрать запах железа.

— Раздевайся, — сказала она. — Сейчас согреемся.

Фёдор вошёл в кухню и остановился возле стола. Здесь некуда было поставить мешок, чтобы он не мешал: слева стояло ведро, справа табурет с корзиной белья. Таисия забрала корзину. Фёдор положил мешок на освободившийся табурет, но горловину не развязал.

Она помогла ему снять пальто. Под пальто была тёмная рубаша с серой заплатой под мышкой. Ворот потёрся до белого. Ей захотелось немедленно унести рубашу, выстирать,

распороть воротник и переставить его другой стороной. Фёдор придержал ткань у груди, словно угадал её желание.

— Есть во что переодеться, — сказал он. — Там.

— Я и не спрашиваю.

Он повесил кепку на гвоздь. Это был его старый гвоздь, над вешалкой, слишком высоко для Таисии. На нём давно висела верёвочная авоська. Фёдор молча снял её и переложил на комод.

Таисия надела передник и достала с полки глубокую тарелку. Потом вторую. Убрать вторую было бы заметно, и она оставила обе, хотя есть не хотела.

— Картошка с капустой. Мяса нет.

— Поем.

— Я за хлебом не успела.

— Тая, поедем.

Она поставила кастрюлю на плиту. Фёдор сидел, положив кисти на колени, и смотрел, как она двигает заслонку. Когда вспыхнули щепки, отвернулся к окну.

— Сам сложил? — спросила Таисия, кивнув на печку.

Он сначала не понял.

— В сороковом. Ты же помнишь. С Пахомовым.

Она, конечно, помнила. Ей нужно было задать вопрос, на который у них окажется один ответ.

— Пахомов всё учил, где трубу вести, — сказал Фёдор. — А сам потом в сажу сидел до ушей.

— Ты ещё белую наволочку взял вытираться.

— Какую белую?

— Новую. Из приданого.

— Полотенце брал.

Он произнёс это с такой старой, несомненной уверенностью, что Таисия чуть не улыбнулась. Десять лет не помогли ему признаться в испорченной наволочке.

Она сунула в топку ещё две щепки. На дне кастрюли что-то сухо щёлкнуло.

Суп ели молча. Фёдор держал ложку левой рукой. Правой придерживал край тарелки, хотя та не двигалась. Он не то-ропился, но доедал каждый кусок прежде, чем брал следующий, и хлеб ломал над столом, чтобы крошки не падали на пол. Таисия тоже стала есть аккуратнее. Раньше они не церемонились за кухонным столом; теперь любое движение казалось слишком громким.

Он съел вторую тарелку. Она подлила кипятку в заварочный чайник и поставила блюдо с сахаром.

— Сахар бери.

Фёдор взял один кусок, расколол зубами и положил половину на блюдо. Таисия достала из сумки субботнее письмо. Разглядила его рядом со своей чашкой.

— Ты мне объясни, — сказала она. — Может, ты просто забыл? Я сама не всё помню, что пишу. Тут Миле совет. Ты её не знаешь, я тебе рассказывала.

— Я не писал этого.

— А руку когда повредил?

— В сорок восьмом.

— Вот. Оттуда и пошло. Ты написал, что теперь товарищ помогает.

Фёдор посмотрел на свою кисть.

— Было.

Она ухватила за это слово.

— Как его звали?

— Родион. Нестеров.

Чайник тихо постукивал крышкой. Таисия пододвинула его ближе к стене.

— Борисович?

— Кажется.

— У меня от него переводы. Почти все последние от него. Ты писал, он помогает.

Фёдор взял письмо снова.

— Здесь его фамилии нет.

— В других есть. Когда объяснял, куда ответ посылать. Через него удобнее.

— Удобнее кому?

Таисия не ответила. Слова, которые годами стояли на своих местах, вдруг начали требовать объяснений. «Удобнее». «Через верного человека». «На работе теперь по-другому». Она читала их между стиркой и шитьём, возвращалась к ним в постели, когда дом наконец замолкал. От письма ей нужно было прежде всего узнать, что Фёдор жив.

— Вы вместе были? — спросила она.

— Одно время.

— Долго?

— До сорок девятого.

— А потом?

— Вышел он.

Таисия смотрела на него, пока смысл этих двух слов не стал полным.

— В сорок девятом?

— Да.

— А ты где был?

— Где и прежде.

Он сказал это без злости, почти устало. Она почувствовала, что спрашивает не о том, хотя все вопросы были нужными.

В сениях скрипнула доска. Оба повернули головы. Из-за двери донёсся голос соседки:

— Тая, это ты? Там дрова привезли к Ворониным. Они пустые поленья отдают, из середины гнилые, на растопку. Тебе оставить?

Таисия поднялась.

— Оставь, Степанида. Спасибо.

— А чего ты днём?

— Муж приехал.

За дверью стало тихо. Потом ручка пошла вниз и тут же поднялась.

— Фёдор, что ли?

— Он.

— Ну... Ну, с приездом, Фёдор Павлович!

— Спасибо, — ответил он, не вставая.

— Я вам поленья у сарая сложу. Вы тут сами.

Шаги быстро удалились. Через четверть часа о возвращении Фёдора будет знать вся улица. Таисия не могла решить, плохо это или хорошо. Она десять лет добивалась, чтобы люди произносили его имя без особого голоса. Теперь такой голос появился даже у Степаниды, которая в голодную зиму подбрасывала им картошку и всегда делала вид, будто ошиблась ведром.

Таисия вернулась к столу.

— Значит, Нестеров на свободе был. Мог получать от тебя и мне переписывать?

— Зачем переписывать?

— Не знаю. Я у тебя спрашиваю.

Фёдор отложил лист. На бумаге осталась влажная круглая отметина от его пальца.

— Я после сорок восьмого тебе не писал.

На плите зашипела капля. Таисия вытерла её тряпкой. Потом заметила, что держит тряпку, и положила обратно.

— Совсем?

— Совсем.

— Девять лет?

Он кивнул.

— И о Валерке не спрашивал?

— Мне говорили.

— Кто?

— Тот же Родион. Писал несколько раз.

— Он знал, что мы от тебя получаем?

— Я не знал, что вы получаете.

Она потянулась к чашке, но чай был слишком горячий. Обожглась, поставила её на стол резче, чем хотела.

— Почему не писал?

Фёдор посмотрел в сторону комнаты. За дверью стоял книжный шкаф, которого прежде не было. В стекле отражалась половина кухни и его плечо в заплатанной рубахе.

— Думал, тебе легче.

— Без писем?

— Без меня.

Он произнёс это так, словно отвечал на вопрос, давно решённый обоими. Таисия отодвинула чашку.

— Ты когда решил?

— Тогда.

— А я где была, когда ты решил?

— Тая...

— Здесь была. За этим столом.

Она показала ладонью на клеёнку. Клеёнка была уже другая, третья после его ареста, в зелёную клетку, с маленькой подпалиной у края. К словам это отношения не имело, и всё же Таисия почувствовала, что должна быть точной даже сейчас.

— За этим столом, — повторила она. — В сорок восьмом. Валерка спал в комнате у матери, потому что там теплее. Я жила до двух ночи. Потом садилась тебе отвечать. Ты в курсе, как я жила без тебя?

Фёдор сжал половинку сахара. Она раскололась, и крупинки посыпались ему на ладонь.

— Не в курсе, — сказал он.

Прямота ответа остановила её. Она ждала оправдания, рассказа о голоде, о больной руке, о том, что письма не пропускали. Против всего этого у неё не нашлось бы правильных слов. А он просто признал, что не знал.

— Родион говорил, у тебя человек есть, — добавил Фёдор. — Ещё давно. Потом написал, мать умерла. Что ты устроилась.

— Устроилась?

— Так написал.

— Ты бы у меня спросил.

— А что спрашивать?

— У меня, Федя. У меня.

Он опустил глаза. Таисия увидела, как прядь седых волос на макушке лежит поперёк остальных. Ей когда-то нравилось приглаживать её мокрой рукой. Она вдруг перестала понимать, можно ли ещё трогать этого человека без разрешения.

Из соседней комнаты глухо ударили часы. Половина третьего. Часы опаздывали на семь минут, и она всё собиралась

попросить Валерку переставить стрелки. В письме, лежавшем между чашками, было сказано, что по возвращении Фёдор займётся часами сам.

— Он и про часы знает, — сказала она.

— Что?

— В августе писала, отстают. В том же письме — про Валерку, как его на работе похвалили. А здесь ответил, что починит.

Фёдор поднял голову.

— Это я умею.

Таисия закрыла лицо ладонями. Слёз не было. В темноте за ладонями она видела собственный зуб, нарисованный карандашом на листке в клетку, и не могла перестать видеть.

Фёдор не подошёл.

Она убрала руки.

— Тебе надо вымыться. В баню сегодня не знаю, как. Дома нагрёю.

— Сам могу.

— Воду брать за дверью, слева. Ведро полное не поднимай, ручка ненадёжная. Таз за печкой. Полотенце принесу.

Ей необходимо было выйти из кухни. Фёдор это понял. Он поднялся, и она услышала, как он осторожно передвигает табурет, чтобы не толкнуть стоявшее под столом ведро.

В большой комнате пахло крахмалом и яблоками. На подоконнике лежали четыре поздних яблока, принесённые Лидией. Таисия сняла с кровати покрывало, сложила его в но-

гах и полезла на стул к верхней полке шкафа.

Коробка была из-под печенья, с синей нарисованной чашкой на крышке. Крышка давно разошлась по углам, и Таисия перевязывала коробку двумя тесёмками. Внутри лежали письма — по годам, маленькими неровными пачками. Самые ранние были отдельно, в конверте из плотной бумаги. От них пахло затхлым, сколько ни проветривай.

Она положила коробку на кровать.

На первом конверте ещё было: «Кругловой Таисии Андреевне». Фёдор старался писать адрес крупно и ровно, а в самом письме торопился. Он сообщал, кому она должна отдать рубанок, где под крыльцом лежит запасной ключ от сарая, кто обещал привезти уголь. В конце спрашивал: «Валерка не хворает?»

Таисия прочитала это дважды.

Она помнила, как обиделась тогда. Другие мужья называли жён дорогими, родными, любимыми. Фёдор начинал с рубанка. Она прижала письмо к лицу, надеясь уловить его запах, потом разозлилась на себя и весь вечер ходила, не снимая пальто.

Из кухни донёсся стук ковша о таз. Фёдор шумно выдохнул, плеснул водой. Так он умывался прежде, и Таисия вдруг остро увидела, как легко было бы сейчас убрать коробку, нагреть ещё воды, найти чистую рубашку и начать жить дальше. У неё был настоящий муж. Он сидел на кухне. Никакие чужие буквы этого не отменяли.

Она потянула из коробки пачку за пятьдесят третий год.

В том году умерла мать. Таисия тогда написала три письма за двенадцать дней, потому что в первом не смогла объяснить, как это случилось, во втором наговорила злого, а в третьем извинялась. Ответ пришёл длинный, на двух листах. Она знала почти весь наизусть.

«Усталость ещё не значит, что ты её меньше любила».

Четыре года она возвращалась к этой строке. От часто-го разворачивания бумага протёрлась на сгибе; у буквы «л» не хватало нижнего края. Таисия подвела под лист ладонь, словно он мог порваться именно сейчас.

Потом отложила его отдельно.

Рядом оказались ещё два: ответ после Валеркиной драки в школе и письмо с маленьким планом книжной полки. Полку они потом сделали сами. Она держала доску, сын забивал гвозди, сосед принёс дрель. Фёдор чертил полку удивительно аккуратно, совсем иначе, чем до войны чертил на обороте газеты, объясняя, где будет стоять новый сарай.

Таисия всегда думала, что у него там стало больше терпения.

Дверь тихо открылась. Фёдор стоял на пороге, держа мокрое полотенце.

— Куда?

— На спинку стула. У печки.

Он посмотрел на коробку.

— Всё это?

— Не всё. Часть Валерке давала, он у себя хранит.

Фёдор шагнул ближе, но не стал садиться на кровать. Таисия протянула ему письмо о матери.

— Ты вот это прочитай. Может, узнаешь.

Он взял. Читал медленно, шевельнув губами один раз, когда дошёл до середины.

— Про мать Родион в том году писал, — сказал он.

— Твою или мою?

— Твою.

— Что писал?

— Померла. Ты справилась. Лида помогла.

— А ты ответил?

Фёдор сложил лист по старой складке.

— Ответил ему.

— А мне?

Он промолчал.

Таисия забрала письмо. Ей стало спокойно снаружи и очень холодно внутри, хотя из кухни уже шло тепло.

— Здесь спать будешь, — сказала она, показав на узкую кушетку под окном. — Я чистое постелю. В другой комнате Валерка. Давай пока так.

Фёдор посмотрел на кушетку. Когда-то на ней спала её мать.

— Как скажешь.

Он вернулся на кухню. Таисия услышала, как открывается мешок, как шуршит завёрнутый в газету предмет. Ей не

хотелось спрашивать, что он привёз. Любой подарок сейчас оказался бы обязанностью обрадоваться.

Она собрала поздние письма, но два ранних оставила на кровати. Положила рядом субботнее. Почерки были разными, однако это она знала давно. Гораздо сильнее разлилось другое: в одном человек перечислял, что ей надо сделать; в другом спрашивал, чего ей хочется.

Таисия смотрела на листы, пока эта разница не стала невыносимой.

Потом закрыла их полотенцем, как закрывала работу, к которой не хватало сил вернуться.

В кухне Фёдор поставил на стол маленькую деревянную коробку. На крышке была вырезана ветка рябины. Ягоды вышли квадратными, листья — острыми, зато петли он сделал крошечные и ровные.

— Для иголок, — сказал он.

Таисия провела пальцем по крышке.

— Спасибо.

— Не сразу получилось. Правая плохо берёт.

Она открыла коробку. Внутри лежала сложенная вчетверо чистая тряпочка, чтобы иглы не звенели о дно. Тряпочку будто оторвали от большого куска: вдоль неровного края тянулись нитки.

Таисия поставила коробку на подоконник, подальше от чайника.

Они ждали сына. Фёдор сидел возле окна, она перебира-

ла фасоль для завтрашнего супа. Треснутые зёрна падали в блюдо, хорошие — в миску. Прошла улицей Степанида с пустыми вёдрами, увидела Фёдора и долго кивала ему через стекло.

В половине пятого калитка стукнула о столб.

Таисия услышала знакомые быстрые шаги, скрип двери и кашель: Валерка всегда кашлял, прежде чем войти в тёплую комнату. Он появился в кухне со свёртком под мышкой, увидел сидящего у окна мужчину и остановился.

Фёдор поднялся.

Сын был выше него.

Глава 3. Валерий

Свёрток был длинный, в промасленной бумаге. Валерка переложил его из-под мышки в руку, как будто боялся испачкать чужого человека, если тот подойдёт обниматься.

Фёдор не подошёл.

— Здравствуй, — сказал он.

— Здравствуйте.

Таисия вытерла ладони о передник. Фасоль ещё постукивала в миске: последняя горсть ссыпалась с её пальцев слишком резко.

— Отец приехал, — произнесла она.

Валерка посмотрел на неё. В его взгляде было что-то похожее на досаду за подсказку на уроке, когда ответ и без того известен всем.

— Я вижу.

Фёдор протянул руку. Сын положил свёрток на край стола, вытер пальцы о штанину и пожал протянутую ладонь. Рукопожатие вышло короткое, неловкое. Таисии захотелось рассердиться на обоих за эту взрослую церемонию.

— Ты весь грязный, — сказала она сыну. — Ведро у порога, вода тёплая в чайнике.

— Я после.

— Сейчас.

Валерка ушёл в сени, снял куртку. Под курткой у него бы-

ла клетчатая рубашка, которую Таисия купила с полочки в сентябре. Она уже протёрлась возле нижней пуговицы: сын цеплялся за верстак и всякий раз делал вид, что не знает, откуда дыра.

Фёдор смотрел, как он умывается. Валерка согнулся над тазом, и между рубашкой и поясом показалась узкая белая полоса спины. Фёдор отвёл взгляд.

— Вытянулся, — сказал он Таисии.

— Есть в кого.

Он не ответил. Таисия вспомнила, что сама была почти одного с ним роста, а её отец — очень высокий, и стало неудобно за готовую фразу.

Сын сел там, где всегда сидел: боком к окну, нога под табуретом. Фёдору пришлось немного подвинуться. Пока Таисия грела суп, они рассматривали друг друга без всякой осторожности, как люди, которых одинаково плохо приготовили к встрече.

— Учишься? — спросил Фёдор.

— Вечером.

— Успеваешь?

— Пока успеваю.

— Мать говорит, к Фролову определился.

— Определился.

— Николай Фролов?

— Антон Николаевич. Его сын.

Фёдор провёл большим пальцем по краю стола.

— Сына не помню.

— Он вас тоже не помнит.

— Валера, — сказала Таисия.

Сын посмотрел на неё с невинным удивлением.

— Мы говорили про старых. Он сказал, не помнит.

Она поставила перед ним тарелку. Он потянулся за солью и остановился: солонка стояла у Фёдора, за его локтем. Фёдор подвинул её, как только понял, что требуется.

— Спасибо.

Таисия думала, что они найдут общую тему в работе. Станция, мастерские, люди, знакомые хотя бы по фамилии. Она никогда не работала с железом и не понимала удовольствия, с которым мужчины обсуждают болт, не желающий откручиваться. Сейчас она готова была весь вечер слушать про такой болт.

Валерка ел и смотрел в тарелку.

— Это что принёс? — спросил Фёдор, указав на свёрток.

— Ось.

— Откуда?

— Фролов дал.

— Для чего?

— Для станочка.

Фёдор развернул край бумаги. Валерка перестал жевать.

— Она в масле.

— Вижу.

— Мама, тряпку дай.

— Не испачкал я, — сказал Фёдор.

Он, однако, свернул бумагу обратно и положил свёрток точно туда, где тот лежал.

— Длинновата, если настольный, — добавил он. — Обрезать собираешься?

Валерка поднял глаза. Ответ у него был готов, и Таисия увидела, как трудно сыну удержать его при себе.

— Там ещё привод будет, — сказал он наконец. — Не надо обрезать.

— Понятно.

— Вы не видели, какой станок.

— Не видел.

— Тогда как можно говорить?

Фёдор посмотрел на него, потом на Таисию.

— По оси сужу.

— По оси не надо.

Она сняла с плиты чайник слишком резко. Крышка съехала, пар обжёг руку.

— Да что вы, в самом деле! В первый день.

Валерка встал за полотенцем. Фёдор тоже приподнялся. Сын опередил его, подал матери сухую тряпку и вернулся на место.

— Больно?

— Нет.

На запястье проступило красное пятно. Таисия подставила руку под струйку прохладной воды из ковша. Фёдор смот-

рел на сына уже иначе: в его лице на секунду появилось что-то мягкое, почти удивлённое. Сын этого не видел.

После супа Валерка отодвинул тарелку и спросил:

— Вы к нам совсем?

Фёдор медленно поднял голову.

— Домой приехал.

— Я это понимаю.

— Что же спрашиваешь?

— Спрашиваю, будете здесь жить?

Таисия поставила ковш на место.

— Валера. Дай человеку хотя бы поесть спокойно.

— Он поел.

Фёдор положил ладони на стол.

— Пока мать разрешит, буду здесь. Дальше видно будет.

Это прозвучало хуже, чем если бы он объявил себя хозяином. Таисия почувствовала, что решение уже переложено на неё, а они вдвоём ждут, кому она отдаст комнату и всю остальную жизнь.

— На сегодня я постелила, — сказала она. — На сегодня всё решено.

Сын опустил взгляд на её руку. Потом потянул к себе свёрток.

— Мне в школу.

— Через час ещё.

— Зайду к Мишке. У него тетрадь.

— К чаю останься.

— Не хочу.

Он ушёл в свою комнату. Таисия слышала, как открывается ящик письменного стола, как падает на пол что-то тяжёлое. Фёдор повернулся к окну.

— Такой теперь?

— Какой?

— Ну, как есть.

Она хотела ответить, что он хороший мальчик. Что он зимой встанет раньше неё, если надо расчистить дорожку, что всегда оставляет ей лучший кусок хлеба, хотя думает, будто она не замечает. Но Фёдор не спрашивал, хороший ли у них сын. Он ещё не знал, что спрашивать.

— Ему семнадцать, — сказала она.

— Это я посчитал.

— Тогда дай время.

Он кивнул. Она поняла, что повторила слова, которые за сегодняшний день уже говорила себе раз десять.

Валерка появился с учебниками под мышкой. В клетчатую тетрадь был вложен карандаш, конец которого он так изгрыз, что графит оказался открыт с обеих сторон.

Таисия остановила его в сенях.

— Ты чего?

— Ничего.

— Он только приехал.

— Я вижу, мам.

— Я не прошу тебя изображать. Но можно же по-челове-

чески.

Сын смотрел на вешалку, с которой снял куртку. Над ней на старом гвозде висела чужая кепка, а его шарф оказался сдвинут к стене.

— По-человечески — это как? Обрадоваться надо?

— Я не сказала.

— Ты смотришь так, будто я всё испортил.

Таисия сжала его локоть, потом разжала пальцы.

— У меня голова кругом, Валя. Я сегодня не знаю, как смотреть.

Он быстро взглянул ей в лицо.

— Что он сказал?

— Много чего.

— Про нас?

Она помедлила. Ей хотелось до разговора с сыном во всём разобраться. Днём она упрекала Фёдора за то, что он решил за неё, а теперь сама искала возможность выбрать, сколько правды дать Валерке.

— Он говорит, после сорок восьмого не писал нам. И деньги не посылал.

Сын замер. Учебник начал выскальзывать у него из-под руки, и он прижал его к боку.

— Совсем?

— Так говорит.

— А подписи?

— Я спросила. Не знает.

— Может, не хочет знать.

Таисия посмотрела на него.

— Ты почему так сказал?

Валерка пожал плечом.

— Люди всегда чего-нибудь не хотят знать.

— Ты сейчас из книжки со мной разговариваешь?

— Из какой книжки?

— Не знаю. Своими словами скажи.

Он дёрнул шарф с крючка и вскинул на шею. Свободный конец сбил кепку с гвоздя, и оба невольно посмотрели в кухню. Фёдор не вышел.

Валерка поднял кепку, отряхнул о колени и повесил обратно.

— Я не хочу, чтобы ты опять из-за него плакала, — сказал он тихо.

— А я не хочу, чтобы ты за меня решал, когда мне плакать.

Он втянул голову в воротник, как в детстве, когда получал совсем незаслуженный, по его мнению, выговор.

Таисия поправила ему шарф. Было бы легче обнять, но он стоял так прямо, что пришлось ограничиться шарфом.

— Иди. Только после занятий сразу домой.

— Я всегда сразу.

Валерка вышел.

Фёдор сидел у окна. На столе перед ним лежала развёрнутая карамель. Он раскусил её пополам; оранжевая начинка

прилипла к бумажке.

— Слышал? — спросила Таисия.

— Дверь тонкая.

Она села напротив. Вода для чая остыла. Наливать снова не хотелось.

— Я тебя защищала, — сказала она. — Десять лет. Перед ним, перед людьми. Не потому, что ты просил. Мне самой было надо.

— Напрасно.

— Не говори так.

— А как?

Таисия посмотрела на его руки.

— Ты там был. Я здесь. У каждого своё было. Но ты не можешь сейчас прийти и сказать, что я напрасно жила.

Он поднял глаза.

— Я про защиту.

— А я про всё.

Во дворе застучали поленья. Степанида принесла обещанную растопку и сваливала её у сарая, старательно не глядя в окно. Дров оказалось гораздо больше, чем Таисия ожидала. Соседка выбрала хорошие, почти сухие.

Фёдор встал.

— Помогу ей.

Таисия не остановила. Она смотрела, как он надевает пальто, потом как поднимает у сарая рассыпавшиеся поленья. Степанида говорила без умолку. Фёдор иногда отвечал,

и по наклону его головы было видно: он благодарен ей за то, что не приходится поддерживать разговор самому.

Когда он вернулся, на полу в сенях остались мокрые следы. Он сразу заметил их, нашёл тряпку и вытер. Таисия отвернулась. От каждого доброго, нужного движения становилось не легче, а труднее.

К шести пришла Лидия.

Она вошла без стука, в своём коротком пальто с меховым воротником, держа под мышкой газетный свёрток. При виде Фёдора остановилась посреди кухни, и с лица её исчезла вся дорожная торопливость.

— Доехал, — сказала она.

— Доехал.

Лидия положила свёрток на стол.

— А я Тасе рыбы принесла. На станции взяла, только что.

— Спасибо, — ответила Таисия.

Сестра сняла пальто, повесила на спинку стула и сразу начала разворачивать рыбу. Бумага промокла в одном углу.

— Надо сегодня приготовить. До завтра оставишь, уже не то. Где твоя большая сковорода?

— Внизу.

— Ты сиди, сиди.

Лидия всегда говорила «сиди» тому, чьё место уже собиралась занять. Таисия много лет принимала это как удобство: сестра принесёт, разделает, поставит. Сейчас ей хотелось отобрать у неё рыбу вместе с газетой.

— Лида, подожди.

— Что?

— Фёдор не признаёт письма.

Лидия остановилась, держа рыбу за хвост.

— Какие письма?

— Все последние годы. Говорит, не писал.

Сестра посмотрела на Фёдора.

— С дороги человек. Дай отдохнуть.

— Я понимаю, что говорю, — сказал он.

— Я не о том.

— О том.

Таисия встала между ними, хотя никто ни к кому не приближался.

— Он говорит, Нестеров вышел в сорок девятом. Ты знала?

Лидия положила рыбу на газету и вытерла пальцы.

— Знала.

— А я почему не знала?

— Как не знала? Ты сама через него отвечала. Он же на свободе письма носил, переводы отправлял. Кто бы ему иначе дал?

— Он говорил, что помогает Фёдору.

— Помогал.

— Восемь лет?

Лидия посмотрела на свои пальцы, будто на них осталось что-то, не оттиравшееся полотенцем.

— Тась, давай не сегодня.

— Когда?

— Завтра. Утром поговорим. Я зайду до смены.

Таисия услышала в этом обещании знакомое: сестра оставляла себе ночь, чтобы придумать правильные слова. Обычно эти слова помогали. Сейчас ей не хотелось, чтобы за ночь правда стала удобнее.

— Ты с ним встречалась?

— С Родионом?

— Да.

Лидия кивнула.

— Когда он вышел. Приезжал.

Фёдор отодвинул стул. Звук получился резкий, и Лидия взглянула на него с раздражением.

— Ты бы сам приехал раньше — было бы о чём разговаривать.

— Откуда раньше?

— Я знаю, откуда. Не надо.

Таисия ударила ладонью по столу. Не сильно, но оба замолчали.

— Лида, ты со мной говори. Ты встретила человека, которому я восемь лет писала о своём муже. Почему ты мне не сказала?

— Он рядом и был. Раньше.

— Потом-то нет.

Лидия выпрямилась.

— Ты тогда лежала, Тась. Ты помнишь вообще ту весну? Не помнишь. Мать с Валеркой сидела, я после смены к тебе бегала. Он приехал. Сказал, помощь передаст. Я что должна была — прогнать его?

— Я спрашиваю, почему не сказала.

— Сказала бы — ты отказалась бы от денег. Ты вечно от всего отказываешься, пока совсем не прижмёт.

Фёдор стоял у окна. Таисия чувствовала его присутствие всем телом и всё же на секунду забыла, что он здесь. У неё снова была высокая температура, липли к спине мокрые волосы, в комнате пахло дымом и лекарством. Лидия подносила кружку и говорила: «Надо пить, не капризничай». Таисия помнила ту весну кусками, как комнату, которую показывают при свете спички.

— Ты его видел после освобождения? — спросила она Фёдора.

— Нет.

— А деньги передавал?

— Нет.

Лидия обернулась к нему.

— Может, забыли уже, что обещали друг другу?

— Деньги я бы помнил.

— Не всё деньгами делается.

— Лида, — сказала Таисия. — Хватит отвечать за него.

Сестра взяла сковороду. Поставила на плиту, потом сняла. Движение осталось незавершённым, и от этого она вдруг

показалась Таисии очень молодой, почти той пятнадцатилетней девчонкой, что прыскала за дверью перед её свадьбой.

— Я не хотела хуже, — произнесла Лидия.

Таисия молчала.

— Не смотри на меня так. Он деньги передавал, я тебе отдавала. Потом стал через почту. Ты сама с ним адресами разбиралась. Откуда мне знать, что у них там было?

— Сколько раз ты его видела?

— Два. В сорок девятом. Потом нет.

— Письма он приносил?

Лидия кивнула.

— Одно. От Фёдора.

— Где оно?

— У тебя должно быть.

Таисия посмотрела в сторону комнаты, где под полотенцем лежали три раскрытых листа. Все эти годы она берегла письма именно затем, чтобы однажды было что показать вернувшемуся мужу. Теперь ей казалось, что она собирала чужие вещи, не зная, чьи они.

Фёдор пошёл в сени. Из кармана пальто вынул сложенный конверт, вернулся и положил перед ней.

— Мне тоже написали, — сказал он. — Ещё там. Перед концом срока.

Конверт был потёртый, с надорванным уголком. Адрес на нём написали печатными буквами.

Таисия вынула лист. Сверху не было ни приветствия, ни

имени.

«Фёдор Павлович. У Таисии и сына давно своя жизнь. Не ломайте её возвращением. Вам помогут устроиться в другом месте, если вы поступите по-хорошему. Не ходите к Валерию. Он вас не ждёт».

Подписи не было.

Лидия протянула руку к бумаге, но Таисия придержала лист пальцами.

— Когда пришло?

— В начале октября.

— Откуда?

— На конверте видно. Наш город.

Таисия поднесла конверт к свету. В круглом оттиске название Вересовска читалось не полностью; две средние буквы легли на неровность бумаги. Дата была сентябрьская.

— И ты думал, это мы?

Фёдор посмотрел на неё.

— Потому и пришёл сперва к тебе.

Глава 4. Белые пуговицы — лето 1938 года

Платье Таисия испортила за три дня до регистрации.

Не всё. Полочку, на которую не хватало ткани, если кроить по долевой. Она решила, что небольшой поворот ничего не изменит: рисунок почти незаметный, голубые веточки на сером, а складки спрячут. Сложила выкройку, подвинула, ещё подвинула. Когда приметала к спинке и надела, правый бок потянуло вверх.

Мать смотрела, сидя на кровати. У неё на коленях лежала Лидина юбка с распущенным подолом.

— Рука-то где? — спросила она.

— Вот рука.

— Вижу, что вот. Ты опусти.

Таисия опустила плечо. Платье перекошилось сильнее.

Мать сняла очки.

— Распори.

— Я ещё не сшила.

— Тогда чего стоишь?

Лидия прыснула за дверью. Ей было пятнадцать; сестрина свадьба доставляла ей много хлопот и ещё больше удовольствия. Она успела сообщить трём подругам, что сестра выходит за железнодорожника, который может поднять её вме-

сте со стулом. Фёдор действительно поднял однажды. Таисия сидела, поджав ноги, штопала чулок и так перепугалась, что уколола палец. Ему пришлось покупать новый напёрсток вместо утраченного: старый закатился в щель у печки.

— Выйди, — сказала Таисия.

— Я и так не вошла.

Лидия скрылась. За дверью ещё немного посмеялись.

Таисия стянула платье через голову. В волосах застряла булавка. Мать поднялась, помогла вынуть, потом взяла полочку и разложила на одеяле.

— Здесь полоску.

— Какую полоску?

— Из другой ткани. Обе стороны одинаково. Скажешь, фасон такой.

Таисия посмотрела на оставшиеся обрезки. Ткань на платье она выбирала сама, откладывала с зимы, ходила смотреть, не продали ли. Ей хотелось, чтобы на этот раз всё получилось сразу. Не фасон из нужды, не чужая вещь, из которой надо выкраивать свою.

— Я не пойду в полосках.

— Тогда в чём пойдёшь?

Ответа не было. Мать пожала плечами и вернулась к юбке.

В сенях застучали. Таисия успела надеть старое платье, прежде чем вошёл Фёдор. Он принёс коробочку с белыми пуговицами и сразу вытряхнул их на стол.

Пуговицы были большие, с перламутровым блеском.

Шесть штук. Таисия просила маленькие, плоские, чтобы не оттягивали тонкую ткань.

— Гляди, — сказал он. — Лучше тех. Те совсем простые были.

Мать поджала губы.

Таисия провела пальцем по выпуклой пуговице. На пальце осталась прохлада.

— Федя, они тяжёлые.

— Зато настоящие. Мне продавщица сказала, на пальто берут, хорошо держатся.

— У меня платье.

Он посмотрел на неё, потом на пуговицы. Улыбка ушла с лица слишком быстро, и Таисия почувствовала себя жадной, неблагодарной. Фёдор ездил за ними после смены, потратил деньги, выбирал лучшее. Ей хотелось обрадоваться, но пуговицы лежали на столе и никуда не девались.

— Я другие возьму, — сказал он.

— Не надо. Эти пригодятся.

— А эти куда?

— На пальто. Потом.

— А сейчас-то другие нужны?

Таисия кивнула.

Фёдор собрал пять пуговиц. Шестую долго искал возле ножки стола, нагнувшись так, что мать попросила не удариться о край. Нашёл, показал Таисии и спрятал в коробочку.

— Ты со мной завтра поедешь. Пальцем ткнёшь, какие.

Она засмеялась. Ей стало легче от того, что он тоже смеялся, хотя и немного сердито.

Фёдор заметил платье на кровати.

— Уже готово?

— Нет.

— Наденешь?

— Не надену.

Он не понял. Таисия сама удивилась, как грубо ответила. Фёдор стоял у стола; от него пахло нагретым железом, пылью, табаком. Она захотела подойти, уткнуться лбом в его рубашку. Вместо этого стала объяснять долеую нить и нехватку ткани. Он слушал внимательно, но по лицу было видно: не понимал, почему нельзя отпустить снизу там, где потянуло.

— Там же всё равно подол есть.

— Федя, не в подоле дело.

— А если с другой стороны подтянуть?

Мать не выдержала и рассмеялась.

Фёдор посмотрел на неё, на Таисию, потом тоже улыбнулся.

— Ладно. Не лезу. Ты только скажи, что делать.

Таисия впервые за весь день перестала чувствовать, что платье надо немедленно победить.

— Пойдём пройдемся.

— Куда?

— Просто.

Он снял кепку, вытер лоб рукавом.

— Я тогда умоюсь. С дороги прямо.

Она принесла ему воды. Смотрела, как он держит обе ладони лодочкой, как вода течёт между пальцами. На правом запястье была свежая царапина, узкая и красная. Таисия коснулась её.

— Это где?

— О железку. Ерунда.

— Грязными руками не три.

— А я чем?

Он показал мокрые ладони. Она плеснула ещё, и он засмеялся, закрыв глаза.

Они пошли к реке. Таисия надела старые туфли, в которых уже можно было ходить долго. В новых болели мизинцы. Фёдор заметил, но ничего не сказал. Они спустились по тропинке, где крапива выросла выше прошлогоднего забора, обошли пустую лодку на берегу. В лодке лежала вода, над водой стояли комары.

— Здесь сядем? — спросил он.

— Нас съедят.

— Меня не едят.

Через минуту он хлопнул себя по шее.

Таисия рассмеялась так громко, что он оглянулся на реку, словно оттуда могли слышать.

Они поднялись выше, сели на сухое бревно. Фёдор достал

из кармана бумажный свёрток. Внутри лежали две мятые карамельки, одна без обёртки. Он предложил ей целую. Таисия взяла ту, что без обёртки, и стряхнула с неё табачную крошку.

— Выбрось, — сказал Фёдор.

— Хорошая.

— Я бы съел.

— А я уже.

Карамель прилипла к зубам. Разговаривать стало трудно. Они сидели молча, глядя, как мальчишка на другом берегу пытается спустить на воду связку досок. Доски расходились всякий раз, когда он ставил на них ногу. Фёдор поднялся было подсказать, потом сообразил, что придётся кричать через реку, и сел.

— Сам увидит, — сказала Таисия.

— Догадается. Не дурак.

Мальчишка принёс верёвку. Фёдор довольно хмыкнул.

Таисия смотрела на его плечи. В новой рубашке на свадьбу они будут казаться ещё шире. Рубашку она шила сама, ошибку там сделала другую: ворот оказался тесным, и пришлось переставить пуговицу. Фёдор сказал, что так даже лучше. Она не знала, заметил ли он лишние стежки, и любила его за то, что ей не надо было это выяснять.

— А если я плохая хозяйка? — спросила она.

Он повернулся.

— Ты?

— Я. Я вот платье испортила.

— Платье хозяйке обязательно самой шить?

— А кто мне будет?

— Купим.

Она посмотрела на него.

— Ты всё купишь.

Фёдор немного нахмурился.

— Если нужно будет, куплю.

— Я сама хочу уметь. Не из-за денег только.

Он покивал. В реке за бревном шевельнулась мелкая рыбёшка, и он проводил её взглядом. Таисии стало досадно: говорила о важном, а он смотрел в воду.

— Ты слушаешь?

— Слушаю. Ты хочешь шить. Ты и так шьёшь.

— Пока за другими переделываю. Мне бы крой знать. По-настоящему.

— Выучишься.

Он сказал легко. Таисия сама иногда так думала: выучится, найдётся человек, покажет, возьмёт к себе. Пока всё время оказывалось, что она нужна там, где уже умеет: подшить, заштопать, посадить заплатку так, чтобы ещё носили. За новый крой отвечал другой человек, и она видела его руки только сбоку.

— В городе есть мастерская, — сказала она. — Мне рассказывали. Хозяйка прежняя осталась работать, учеников берут. Надо узнавать.

— Узнавай.

— Это не здесь.

— Где?

Она назвала город. Фёдор подвинулся на бревне.

— Ездить будешь?

— Если каждый день, долго. Я не знаю. Может, на время там жить.

Он посмотрел на реку.

— Мы же жениться собираемся.

— Я не завтра.

— А когда?

Таисия не знала. До разговора «когда» было впереди, просторно, почти без границ. Теперь нужно было назвать месяц, договориться, объяснить, кто останется дома.

— Потом, — сказала она.

Фёдор взял её руку.

— Устроимся сперва. У нас своего ничего ещё нет.

Она кивнула. С этим нельзя было спорить: комнату они собирались снимать, а пока оставались у матери. У Фёдора были инструменты, одежда и железная кровать, которую он считал своей, но ещё должен был вывезти от двоюродного брата. У Таисии были приданные простыни, чашки, машинка, которой пользовались обе с матерью, и платье, испорченное на долево́й.

Рука Фёдора согревала её пальцы. Она положила голову ему на плечо. Он сразу замер, как будто нельзя было поше-

вельсь, иначе она передумает. Это ей нравилось больше всех его уверенных слов.

На обратном пути Таисия сама заговорила про комнату. Там было сухо, окно выходило на улицу, хозяйка держала козу. Фёдору коза не нравилась: она жевала всё, что оставляли на дворе. Таисия сказала, что инструменты на дворе оставлять нечего. Он возразил, что козе тоже нечего совать морду в чужое. Спорили почти до дома и забыли про мастерскую в другом городе.

На следующий день они купили простые пуговицы.

Фёдор терпеливо стоял, пока Таисия выбирала между белыми и чуть желтоватыми. Потом продавщица поставила перед ними коробку, и Таисия увидела узкую тёмно-синюю ленту. Она приложила её к обрезку ткани, который взяла с собой. Приложила ещё раз. Платье с двумя такими полосами должно было стать строже, чем она хотела, но неправильная полочка спряталась бы без выдумок про складку.

— Эту, — сказала она.

Фёдор потянулся за деньгами.

— У меня есть.

— Я возьму.

— Федя, подожди.

Он удивился и убрал руку. Таисия расплатилась сама, отдельно отсчитав за ленту. Потом они купили Фёдору недорогой гребешок: старый потерял два зуба и царапал кожу. Он долго отказывался, говорил, что ещё целых восемь осталось.

Дома мать помогла выкроить вторую вставку. Не произнесла ни слова о своём вчерашнем совете, только подвинула лампу. Лида держала платье на расстоянии и объявила, что так даже лучше. Таисия посмотрела на неё строго.

— Правда лучше, — сказала Лида. — Только я бы ещё рукава.

— Рукава не трогай.

Они закончили поздно. Таисия легла, не сняв кольцо ниток с пальца, и проснулась с красной полоской на коже.

В день регистрации было жарко. Фёдор пришёл задолго до назначенного часа, с мокрыми под мышками пятнами на новой рубашке. Таисия увидела и расстроилась: столько старалась, а ткань уже испорчена на вид. Потом он протянул ей букет, и она поняла, почему вспотел. Цветы он нёс через полгорода пешком, боясь смять в давке. Стебли были обёрнуты газетой, нижний лист размок.

— Они простые, — сказал он. — Других не было.

— Хорошие.

Она взяла букет обеими руками. Цветы пахли сухой землёй и чуть-чуть водой из ведра. Один стебель был надломлен. Таисия поправила его, обвязав ниткой от собственной наметки, которую забыла вынуть у пояса.

Мать проводила их до калитки. Лида пошла с ними, всё время забегая вперёд. Она хотела увидеть, как будут расписываться, и обижалась, что не пустят везде.

В комнате для регистрации стоял стол с потёртым краем.

Женщина перелистала бумаги, уточнила фамилию, попросила подойти. Таисия так крепко держала букет, что пальцы устали. Фёдор взял цветы. Она расписалась прежней фамилией там, где ей показали, а потом ещё раз посмотрела на него, словно новое имя могло изменить лицо.

Не изменило. На лбу у него выступил пот, у воротника осталась светлая нитка. Она потянулась снять её. Женщина за столом подождала, пока Таисия уберёт руку, и продолжила говорить.

Обратно они шли медленно. Лида убежала сообщать матери, что всё случилось. Фёдор нёс букет. Таисия придерживала юбку, чтобы не зацепить крапиву.

— Ну, Круглова, — сказал он.

Она толкнула его плечом.

— Не привыкай командовать.

— Я ещё не начал.

— Вот и не начинай.

Он рассмеялся, обнял её так крепко, что пришлось остановиться посреди тропинки. Таисия прижалась щекой к влажной рубашке. Ей больше не было жалко ткани.

За столом собрались семь человек. Брат Фёдора не смог приехать, прислал короткую записку. Мать достала хорошие чашки, соседка принесла пирог, Лида разлила сладкий чай на скатерть и до вечера держала на пятне тарелку. Таисия ела мало: платье оказалось теснее, чем на примерке. Фёдор заметил, подвинул ей кусок пирога, потом, когда никто не

смотрел, отломил половину себе. Она была благодарна за эту мелочь, хотя он даже не понял, что угадал.

Вечером гости разошлись. К новой комнате они пошли с двумя узлами. Коза стояла у калитки, и Фёдор заранее поднял узлы повыше. Хозяйка пожелала молодым счастья, потом долго объясняла, где нельзя оставлять воду, чтобы не разбухли доски. Таисия слушала серьёзно. Фёдор за её спиной закатил глаза. Она едва удержалась от смеха.

Когда остались вдвоём, он поставил узлы у кровати и сел.
— Устал, — сказал он.

Таисия тоже села. Они молчали. Все нужные слова за день уже были произнесены, а теперь оказалось, что можно не говорить.

Она стала расстёгивать маленькие пуговицы. Одну застегнула снова: Фёдор смотрел, и ей вдруг стало неловко. Он отвернулся к окну слишком старательно. Таисия засмеялась, взяла его за подбородок, повернула обратно.

— Своими большими пальцами ты бы ни одну не расстегнул.

— Давай попробую.

— Ещё оторвёшь.

Он осторожно коснулся пуговицы. На этот раз Таисия не стала объяснять, как правильно.

Через две недели у машинки слетел ремень.

Таисия перевозила её по частям: сначала деревянную крышку, потом станину, потом саму машинку, завёрнутую в старое одеяло. Мать хотела оставить у себя — Таисия всё равно приходила каждый день. Но на новом месте Таисии уже принесли юбку на переделку, и ей хотелось принимать работу у себя, складывать мерки в свой ящик, не убирать каждый вечер нитки ради Лидиных уроков.

Фёдор помог перевезти, прикрутил столешницу. На следующий вечер сел смотреть, как она шьёт. Таисия смущалась и оттого нажимала ногой слишком сильно. Ремень соскочил.

— Стой, — сказал Фёдор.

Она остановилась.

Он встал на колени, заглянул вниз, покрутил колесо. Сказал, что ремень растянулся, надо укоротить. Таисия знала, как это сделать, но Фёдор уже достал инструмент. Она дала ему попробовать.

Он укоротил слишком сильно.

Теперь колесо шло туго. Таисия провела строчку, оборвала нитку и подняла глаза. Фёдор перестал улыбаться.

— Дай сюда.

— Подожди. Сейчас можно назад соединить.

— Сам вижу.

В голосе прозвучало раздражение. Таисия отодвинулась от машинки. Муж сердился не на неё, она понимала, но сидеть рядом стало неприятно. За полчаса он дважды снимал ремень и дважды ставил обратно. Наконец получил нужную длину. На коже осталась лишняя дырочка.

— Теперь попробуй.

Таисия села. Машинка пошла ровно.

— Хорошо, — сказала она.

Фёдор поднялся, вытер пальцы тряпкой.

— Умеешь — сама делай. Чего же смотрела?

Она перестала шить.

Он услышал свои слова, помолчал, потом сел на кровать.

— Я не то сказал.

Таисия вытянула нитку из иглы.

— Ты хотел помочь. А теперь я виновата.

Фёдор смотрел на свои руки. На правой ладони чернела полоска машинного масла.

— Нет. Не виновата.

— Я же не над тобой смеялась.

— Ты вообще не смеялась.

Они оба замолчали. Из соседней комнаты донёсся стук посуды; хозяйка ужинала и, наверное, слышала каждое слово. Таисия вдруг почувствовала, как мало у них места даже для ссоры. На улице можно было отойти, дома — только от-вернуться.

Фёдор взял со стола коробочку с большими пуговицами.

Она хранила её, хотя пальто пока не шила. Он пересчитал пуговицы, закрыл.

— Бестолковый я в твоих делах, — сказал он.

— Ты не бестолковый. Ты злишься, когда не получается сразу.

— А ты нет?

Таисия посмотрела на своё свадебное платье, висевшее за занавеской. Синие полосы были видны и отсюда.

— Я тоже.

Фёдор усмехнулся. Она села рядом. Он взял её руку, осторожно, без прежней уверенности, и поднёс ладонь к щеке.

— Мир?

— Пока не испортишь ещё что-нибудь.

— Могу табурет.

— Табурет не надо. У нас один.

Они засмеялись, и хозяйка за стеной перестала греметь посудой.

Ночью Таисия долго не спала. Фёдор повернулся на бок, занял почти всю подушку. Она потянула её к себе. Он во сне отдал, не просыпаясь. В комнате пахло деревом и новым жильём, в углу стояли ещё не разобранные узлы. Утром надо было идти за заказом, потом к матери, потом узнать про работу в мастерской здесь, неподалёку. Про другой город она пока никому больше не говорила.

Она лежала и считала, сколько могла бы заработать, если брать не только починку. На своей машинке. За своим сто-

лом. Рядом со спящим человеком, который умел испортить ремень, признать это и уступить ей подушку.

Ей хотелось скорее утра.

Глава 5. Человек у окошка

Утром Таисия проснулась от шороха бумаги.

Фёдор сидел на кухне. Одетый, в застёгнутой до ворота рубашке, он держал перед собой вчерашнюю газету и читал объявления. Объявления он прежде читал редко: смеялся, что хорошее место само человека находит, а плохое незачем искать.

Теперь газета была испещрена маленькими крестиками.

— Ты давно встал?

— Не смотрел.

За окном ещё горел фонарь. Он светил в голые ветви рябины, и каждая веточка отбрасывала на занавеску свою тонкую тень. В плите догорали поленья, принесённые Степанидой. На столе стоял чайник.

Таисия потрогала его: тёплый.

— Валерка спит?

— Ушёл.

— Без завтрака?

— Хлеб взял. Чаю попил.

Она посмотрела на часы. До шести оставалось несколько минут.

— Ему к семи.

— Сказал, пораньше надо.

На хлебнице лежали два ломтя. Один потолще, другой

тонкий, с коркой. Валерка обычно резал ровно и сердился, если она потом меняла куски местами. Сейчас толстый ломоть лежал ближе к Фёдору.

Таисия достала свою чашку.

— Ты сегодня куда?

Фёдор положил газету.

— В милицию сначала. Отметиться, с бумагами разбираться. Потом посмотрю работу.

— Ты только вчера приехал.

— А чего ждать?

Она хотела предложить ему остаться дома, выспаться, сходить днём в баню. Но не могла представить, как он один будет сидеть среди их вещей. Она сама боялась возвращаться к коробке на кровати.

— Адрес наш знаешь. Если нужно будет, скажи, я с работы приду.

— Знаю.

— Документ о доме у меня. В комод, нижний ящик. Только другие бумаги не перепутай.

— Ничего не возьму без тебя.

Он сказал это, глядя в стол, и Таисия поняла, как прозвучали её слова. Она никогда не боялась, что муж украдёт у неё бумагу из комода. Но объяснять это теперь означало бы впервые произнести саму мысль.

— Я просто всё по местам держу, — сказала она.

Фёдор кивнул и снова развернул газету.

Вчерашний вечер закончился рыбным запахом и усталостью. Лидия всё-таки приготовила рыбу. Валерка пришёл после занятий, съел два куса и не спросил, кто готовил. Фёдор не показал ему письмо с требованием уехать. Таисия тоже не показала. Она не хотела устраивать второй допрос в тот же вечер и сказала мужу, что сначала надо понять, что произошло с их собственной перепиской. Он согласился слишком охотно, и она заметила это.

Лидия ушла, пообещав явиться утром. Теперь до её прихода оставалось совсем мало времени.

Таисия оделась, достала с верхней полки коробку и выбрала несколько конвертов. Положила к ним извещения и бумажки, оставшиеся от переводов. На одних были лишь имя отправителя и сумма, на других — адрес. Она прежде держала их в той же коробке, не разделяя: всё приходило от Фёдора или для Фёдора, и различие между этими словами не имело значения.

В кошелёк положила денег на дорогу. До почты можно было дойти пешком, но ей хотелось, чтобы в сумке имелась возможность немедленно куда-нибудь поехать.

— Твоё письмо возьму? — спросила она.

Фёдор понял не сразу.

— Последнее. Где про Валерку.

Он достал из внутреннего кармана конверт, подержал на ладони и отдал.

— Только не потеряй.

— Не потеряю.

— Я его мог вчера там показать.

— Где?

— В милиции. Сегодня, то есть.

Он нахмурился, рассердившись на собственную оговорку.

Таисия кивнула.

— Покажешь. Я верну. Хочу на почте сперва спросить.

— Что там скажут? На конверте не написано, чей он.

— А я хочу спросить.

Фёдор убрал руку со стола, пропуская её к вешалке.

Лидия пришла, когда Таисия уже застёгивала пальто.

— Ты на работу? Я же говорила, зайду.

— Я слышала.

— Давай пять минут.

— Мне сначала к Зиновию. Потом на почту.

Сестра заглянула в кухню и понизила голос:

— Тась, он с дороги. Ты так не дёргай его. Люди после такого возвращаются...

— Какие?

— Разные. Ты сама видишь.

— Вижу, что вернулся мой муж. И вижу, что ты два раза встречалась с человеком, от которого я получала деньги, и мне ничего толком не сказала.

Лидия поправила воротник. Она шла на смену и потому надела под пальто белую кофту; у шеи виднелся край чистого воротничка.

— Я сказала тебе всё, что знала.

— Вчера.

— Он обещал помогать. Помогал. Чего было копать?

— Мне теперь есть чего.

Таисия нагнулась за галошами. Лидия подождала, пока она выпрямится.

— Только не ходи сразу жаловаться.

— На кого?

Сестра открыла рот, но ответа не нашла. Из кухни зазвонела чашка.

— Ни на кого, — сказала Лидия. — Я про то, что шум поднимать не надо.

Таисия взяла сумку.

— Я на почту иду. Там и без меня шумят.

Она вышла прежде, чем сестра успела обнять её или поправить платок.

У ателье дворник скалывал лёд с края крыльца. Ночью подморозило, и вода в выбоине застыла гладкой прозрачной лепёшкой. Таисия наступила на неё носком галоши, послушала хруст и почему-то чуть успокоилась.

Зиновий Тихонович уже был на месте. Он стоял в рубашке с закатанными рукавами и отпаривал спинку пальто Пелагеи Ивановны. На виске блестела капля пота.

— Здравствуйте. Что так рано?

— Мне на почту надо. Я к десяти вернусь.

— Хорошо.

— У меня синий костюм. Сегодня примерка.

— Помню.

Он поставил утюг на подставку и оглядел её.

— Не спали?

— Немного.

— Тогда синий пока не трогайте. Там полочка сложная, испортите — мне переделывать.

Таисия улыбнулась впервые со вчерашнего утра.

— Себя жалеете?

— А кого мне ещё жалеть? Меня-то жалеть никто не возьмётся.

Он достал из кармана жилета письмо.

Таисия невольно отступила. Зиновий Тихонович заметил движение и посмотрел на конверт, словно в нём могло оказаться что-то страшное.

— Это из Свердловска. От Марии Антоновны, я вам говорил. Она согласна принять. Показать новую обработку воротника и плеча. Сама работает, вам даст рядом. Три дня, если приедете.

— Сейчас?

— В ноябре. Она спрашивает, на какую неделю рассчитывать.

Таисия давно знала Марию Антоновну по чужим рассказам: закройщица, умеющая посадить платье на любую фигуру так, что женщина начинала стоять иначе. Весной Зиновий Тихонович показал Таисии сшитый у неё жакет. Таисия

весь обед разглядывала подкладку, пока хозяйка жакета не попросила вернуть вещь хотя бы на минуту — надеть и уйти.

— У нас же работа, — сказала она.

— Вот потому и надо ехать. Мне самому её воротник пока не даёт. Привезёте образец — вдвоём разберём. А то вы рассматриваете, а мне чужую вещь распаривать совестно.

— Я теперь не знаю, как.

Зиновий Тихонович убрал письмо обратно.

— Я сразу ответа не требую. Только она занятая. Держать её до весны нельзя.

Он повернул пальто на доске. Таисия подошла, помогла уложить тяжёлую полу.

— Здесь карман, — сказала она.

— Укрепил. В следующий раз пусть кирпичи носит.

— Не говорите ей. Проверит.

Он коротко засмеялся. Таисия ощутила, как хорошо было бы остаться в тёплой комнате среди шерсти, мела и знакомых просьб. Отнять у Пелагеи Ивановны карамель, успокоить Милу, исправить посадку рукава. Здесь за любую неисправность можно было взяться руками.

Она повесила сумку на плечо.

— Я всё-таки на почту.

— Идите.

Почтовое отделение открыли, пока она стояла в очереди на крыльце. Перед нею мужчина нёс деревянный ящик, обитый жестью по углам. Он поставил его на ступеньку, и оттуда

донёлся глухой звон.

— Банки? — спросила женщина позади Таисии.

— Посуда.

— Разобьют.

— Упаковал.

— Всё равно разобьют.

Он вздохнул и переставил ящик на другую ступеньку, словно там вероятность несчастья была меньше.

В помещении пахло мокрой одеждой и клеем. У стены висела полка с образцами упаковки. Чернильница на высоком столе была привязана шнурком; перо лежало рядом, густо обросшее засохшими чернилами. Таисия подумала, что написать им можно только жалобу.

Клавдия Степановна Мальцева обслуживала посетителей у левого окошка. Её волосы, прежде совсем чёрные, за последний год стали почти белыми у висков, и она теперь зачёсывала их назад, не пытаясь прикрыть седину. На пальце у неё блестело обручальное кольцо, стёртое до тонкой полоски.

— Получение? — спросила она, увидев Таисию.

— Спросить хотела.

— Все хотят спросить. Подождите, я отправку закончу.

Таисия отошла к столу. Мужчина с ящиком доказывал, что адрес написан разборчиво. Клавдия Степановна просила переписать номер дома.

— Там семь, — сказал он.

— А я вижу один. Переделайте.

— Да кому же, кроме вас, придёт в голову один?

— Тому, кто повезёт. Мне сегодня туда не по пути.

Мужчина отступил к чернильнице. Женщина из очереди проводила ящик взглядом и осторожно постучала по крышке пальцем.

Когда Таисия снова подошла к окошку, Клавдия Степановна спросила:

— Ну что, нашёл?

— Нашёл. Спасибо.

— Он и раньше ходил так, будто у него всюду своё расписание. Говорю, аптеки там больше нет, ателье. Не верит.

— Вы давно его не видели.

— Давно. Люди меняются, походка остаётся.

Таисия положила на прилавок квитанции.

— Мне нужно понять, откуда приходили переводы. Не все, какие сохранились. Вот этот и этот.

Клавдия Степановна приблизила бумаги к себе.

— Так написано. Черноярск. Нестеров. Это вы у меня получали, я помню.

— Он сам отправлял?

— Я при отправке не стояла.

— А узнать можно?

— Что именно узнать?

Таисия запнулась. Вчера дома вопрос казался одним и простым: кто посылал деньги. Здесь он рассыпался на чело-

века у окна, человека, заполнившего бланк, имя, указанное отправителем, и того, кому деньги принадлежали до отправки.

— Кто деньги принёс, — сказала она.

— В другом городе? За который год?

— Хотя бы последний перевод.

— По частной просьбе я вам такого не обещаю. Сами ему напишите. Адрес есть.

— Я писала. Всё время писала.

Клавдия Степановна подняла глаза. Посмотрела на Таисию внимательнее, потом на очередь.

— Пойдите пока у стола. Я сейчас.

Ей пришлось ждать ещё двадцать минут. Люди входили, стряхивали с плеч мокрый снег, спрашивали бланки, ругали перо, радовались незнакомому Таисии почерку на конверте. Молодая женщина получила перевод и заплакала, отвернувшись к стене. Почтальонша, вышедшая из внутренней двери, дотронулась до её плеча; та кивнула, вытерла лицо рукавицей и быстро ушла.

Клавдия Степановна наконец передала окошко другой работнице и подошла к высокому столу.

— Что у вас стряслось?

Таисия рассказала коротко. Как Фёдор приехал, не признал письма, сказал про деньги. Пока она говорила, Клавдия Степановна складывала принесённые бумаги по размеру. У неё это получалось само собой.

— И что же, совсем не писал?

— С сорок восьмого.

— А раньше?

— Раньше писал. Потом руку повредил, другой за него записывал. А с сентября будто сам начал, левой. Я думала, потому и буквы другие.

— Тот, другой, мог и со слов записывать.

— Но Фёдор говорит, что писали без его ведома.

Клавдия Степановна помолчала.

— Тогда вопрос у вас прежде к этому человеку. Нестерову. Кто он вам?

— Никто.

Сказать это оказалось трудно. Таисия получала через него деньги на уголь, на обувь, на лечение. Однажды он прислал сам, отдельной запиской, извинение за задержку перевода и пожелал ей здоровья. Она ответила с благодарностью. В её глазах он был верным Фёдору человеком, который делал для них то, чего не обязаны были делать даже родственники. Но кем он приходился ей самой, она никогда не спрашивала.

— Знакомый мужа, — поправилась она.

— С него и начните.

— Я хотела письма проверить.

Клавдия Степановна посмотрела на конверты.

— Что я в них проверю? Откуда приняты, где оттиск читается, скажу. Кто сочинял — это не к окошку.

Она перебрала их и отложила два.

— Эти из Чернойорска. Вот этот тоже, краешек смазан, но видно. Последний местный.

Таисия взяла субботний конверт.

— Местный?

— Здесь отправили. У нас в городе.

Она уже видела этот штемпель на сентябрьском письме. Там было сказано: конверт передан со знакомым, который бывает в Вересовске. В субботнем — что тот снова едет и отправит по дороге. Таисия тогда обрадовалась, что кто-то будет ехать через Вересовск, держа у сердца лист, ещё недавно бывший возле её мужа. Теперь воспоминание об этой радости казалось почти стыдным.

— Его могли принести сюда?

— Могли. Могли в ящик опустить. За каждое простое письмо вам никто человека не назовёт.

— А вы не помните?

Клавдия Степановна посмотрела на неё без раздражения.

— Не помню, Тая. Не стану придумывать.

Таисия достала Фёдоров конверт. Клавдия Степановна прочла адрес, но внутренний лист не взяла, пока Таисия сама не пододвинула его к ней.

Читала она быстро. Закончив, перевернула лист, словно искала подпись с другой стороны.

— Это надо мужу решать, как поступить. Я бы сохранила. Вместе с конвертом.

— Отправлено тоже здесь?

— Да.

— Одной рукой написаны?

— Я вам сейчас скажу «одной», а вы с этим к мужу пойдёте. В этом буквы печатные, в том обычные. Я и номер дома не всякий раз разбираю; вы же слышали, сколько мы с ящиком провозились. Нет, Тая, тут нужен эксперт.

Таисия кивнула. Ей хотелось, чтобы хоть один человек сегодня сказал что-нибудь окончательное. Именно поэтому она была благодарна за отказ.

Клавдия Степановна вернула бумаги.

— Вы домой-то идите. А то стоите, как у вас похоронка в руках.

— Мне на работу.

— Ну и на работу. Только ничего не выбрасывайте. И не отдавайте никому все письма сразу.

Она вернулась к окошку. Мужчина с ящиком уже закончил переписывать адрес и теперь ждал проверки. Цифра семь занимала почти половину дощечки.

Таисия вышла на улицу. Снег сменился дождём, мелким и колючим. У трамвайной остановки две девочки делили бублик. Одна ломала, другая следила, чтобы большие куски не уходили в чужую руку.

Она стояла под козырьком, пока не поняла, что собирается заплакать. На почте удержалась, дома удержалась, а здесь, возле двух девочек с бубликом, больше не получалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.